

# Нам не понять — мы не любили

Василий Аксенов. Московская сага. Трилогия. М., Текст

Андрей Немзер

а

ксенов всегда хотел быть читаемым писателем. Массовым, любимым, своим в доску. Тем самым, которому пишут благодарные письма люди, узнавшие себя в симпатичных, веселых, несгибаемых, красивых неудачниках или счастливцах. Тем самым, что вспоминается в минуту жизни трудную перед одиноким выходом на дорогу. Тем самым, что ободряет без наставительности и иронизирует без злорадства. Правдивым сказочником, целомудренным похабником, хохочущим пессимистом, американским москвичом, интеллектуальным простягой, модернистским классиком, нераскянным традиционалистом.

Быть популярным для Аксенова значит быть собой. Он не подыгрывал читательским вкусам, а формировал их, не имитировал языковые вольности, а расковывал интеллигентскую речь, попутно (на живых примерах) объясняя простецам, как, в сущности, нетрудно быть умным и образованным. Делай как я — и все устаканится. Милиционеры умеют любить, спортсмены грустить, писатели нырять, а жулики сеять разумное, доброе, вечное. Все мы, кроме откровенных гадов, отличаем добро от зла, согрешив — каемся, предпочитаем не врать без крайней необходимости, верим в жизнь, которая впереди, и знаем про хвост, который позади. Ничто не вечно на попыти к луне. Боль от ожогов проходит — поиски жанра продолжаются. Happy end неизбежен, как дембель, ликвидация Союза писателей и впадение Волги в Черное море.

Аксенов должен был написать «Московскую сагу»: шестьдесят пять листов, от смерти Фрунзе до смерти Сталина, расстрелы, пиры, Мандельштам в Тифлисе, генералы, лагеря, войны, футбол-хоккей, секс в неподобающих местах, тошнота, религиозное обращение, допросы, диверсии, заговоры, адюльтеры, салоны, парки, кабаки, раскулачивание, Евтушенко, автомобильные гонки, мат, мужская дружба, эх, как нас жизнь пораскидала: куда ни глянешь — все свои, сацави, секс в местах подобающих, самоубийства, иностранцы, ночные страхи, метаморфозы, потомственные чекисты, хирургия, юга, севера, наследный принц Василий Сталин, история одной семьи, баланда, опять Шопен не ищет выгод, совслужащие, власовцы, аптека, Булгаков на дне рождения, ГРУ, испражнения, любовь с первого взгляда, письмо из лагеря, хлебниковский эпиграф, предательство близких, синенький скромный платочек, гомосексуализм, картавый Симонов, барыня и денщик, сменовеховцы, походно-полевая жена, костел, троцкистская демонстрация, Берия и малолетки, ужасная судьба отца и сына, стыд, стрельба, родные люди вот какие, Сталин — тоже пациент, зуррежка перед экзаменом, мыслящие собаки, сегодня у Абхази выходной, неназванный автор — мальчик из Казани, ядерный проект, дре-весная сень, как шли мы с тобою на борт в холодные мрачные трюмы, катризы беременной, кровная месть, депутат — отец двух зэков, театр начинается с Мейерхольда, бутылка вина — не



ИТАР-ТАСС

болит голова, похороны маршала, воссторг минета, СМЕРШ не дремлет, Эренбург и поэтесса, кронштадтское восстание, американский свитер, Любовь Орлова, дело врачей, ширин-вырин, штык молодец — имеет место хороший конец.

Аксенов — любимый герой аэропортовско-цэээловского фольклора, перерастающего (редко, но бывает) в фольклор общемосковский. Рассказывают, что в первый приезд после изгнания писатель, встретив прототипа главного погромщика из «Скажи изюм», отстранился от протянутой руки. Великодушно простиивший пасквилянта («Дует свежий ветер перемен») ликвидатор альманаха «Метрополь» якобы пробасил сквозь почвенную бороду: «Какой же ты, Вася, злой». Если что не так, прошу прощения у всех заинтересованных лиц. Байка все равно гениальная. А лучше всего — финальная реприза, демонстрирующая кристальное непонимание Аксенова. В том то и дело, что Аксенов не просто добрый, а очень добрый. Потому и руки не подал. Потому и сочинил «Московскую сагу» с хорошим концом.

У нормальных людей — даже если они владельцы дачи в Серебряном Бору — все как-нибудь вытанцует. Простится героям, следственно, простится читателям. Напортачили, конечно, выше крыши, пробы на нас негде ставить, все белые фраки в сталинском дерьме (один из ответственных эпизодов: глава рода, старый доктор Градов освобождает отца народов от мук многонедельного запора), а жизнь все равно продолжается: солнце светит, верный пес ревнится, из тюрем выпускают, про умерших помним, людоеда больше нет.

У вас назрели претензии к советской пайковой интеллигенции, к депутатам Балтики и первого горбачевского съезда? Правильные претензии. У Аксенова они сформировались несколько раньше (смотри «Ожог»). Только кому-то хочется праведным гневом обеспечить себе амплуа единственного печальника горя народного, а Аксенов гнет обычную линию: да, стыдно, да, паскудно, но люди же, живые, разные: обманывались, мух-

левали, геройствовали, трахались, песни пели, в тюрьмах сидели. Такие же, как вы. Богатые тоже платят. Чем значительнее дистанция, тем яснее опознаются свои беды. Тем слаще горькое прощение. Тем легче шагать не то на встречу солнцу, не то сквозь ледяную мглу, не то напившись до положения риз, не то трезвым как стеклышико.

Аксенов написал книгу утешения. С яркими красками, роковыми страстями, сюжетными завихрениями, масками исторических злодеев, лихими шуточками, простодушными цитатами и напором чувственности. Написал небрежно, разлаписто, не всегда подправляя кич иронией, не всегда удерживаясь от самоповторов, жертвуя стилем, характеристиками, композиционной выверенностью, элементарным правдоподобием. Лишь бы жанр. Лишь бы кайф. Лишь бы прошли да приободрились.

Похоже, не прочтут. То есть прежние почитатели Аксенова поморщатся от упрощений, стилевого раздолбайства, блуда с реализмом (все это было в аксеновских «больших формах» всегда). Новая же публика вовсе не нуждается в прошении и утешении. Кто-нибудь ляпнет про «Детей Арбата». Кто-нибудь про то, как не надо писать новую «Войну и мир». Не надо. Аксенов и не пишет. (И Гроссман, Максимов, Рыбаков etc. не писали. Между прочим, романы их не похожи не только на книгу Толстого, но и друг на друга.) Он пишет длинную сказку про живых людей. Слишком живых. Таких, что не воспринимаются как сказочные герои.

«Московская сага» написана плохо. Эклектично. С постоянными вкусовыми провалами. Ненужным выпендрежем. И еще менее нужными прописями. В каждом абзаце ее чувствуется Аксенов. Не «старый Аксенов» вспоминается (эффект известный: так и должно быть при столкновении с неудачей мастера) — настоящий Аксенов присутствует. Неделимый. Огромный. Надрывающийся. Умный. Интеллигентный без дураков. Очень хороший. Таких добрых теперь, кажется, не бывает.